

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ КАБИНЕТА СИНДЗО АБЭ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

Константин Водопьянов*

В статье рассматриваются особенности проводимой Синдзо Абэ внутренней политики, включая изменения законодательства в сфере оборонной политики и политики безопасности. Дается обзор внутривнутриполитических причин, по которым подобные изменения стали возможны. Кроме того, анализируются новые моменты во внешней политике Японии в контексте трансформации мирополитической среды и повышения потенциала конфликтности в Северо-Восточной Азии.

Трансформации концепции национальной безопасности и места Японии в мире начались с окончанием холодной войны. В период блокового противостояния не было необходимости в новых интерпретациях конституции Японии, поскольку законодательные ограничения на оборону позволяли стране сконцентрироваться на экономическом развитии и давали возможность оставаться минимально включенной в противостояние сверхдержав.

После окончания холодной войны и начала размывания послевоенного миропорядка Токио столкнулся с усложнением мировой политики, возрастанием количества и качества новых угроз и вызовов, включая быстрый подъем Китая, а также с постепенным относительным ослаблением роли США в глобальной и региональной безопасности.[1]

Серьезно изменилась мирополитическая среда, что выразилось, в частности, в постепенном уходе от неписаных норм и правил постбиполярного мира, ренессансе внешнеполитического реализма и усилении националистической компоненты массовой политики в ведущих мировых державах.

Кроме того, увеличились роль и значение энергетических ресурсов как с точки зрения обеспечения внутривнутриполитической стабильности отдельных стран, так и в глобальном контексте. Соответственно, обо-

стрилась борьба за влияние в ресурсных регионах, усилилась зависимость от свободы судоходства и безопасности коммуникаций.

Вместе с тем свою роль играет и отсутствие у Японии в обозримой перспективе возможности проводить самостоятельную политику – как вследствие нехватки необходимой практики внешнеполитического планирования, так и из-за позиции Вашингтона. Наглядным подтверждением того, что США не допустят ослабления внешнеполитических отношений со своим ключевым союзником в регионе, является их позиция по вопросу передислокации военной базы «Футэмма» на Окинаве. Невозможность совместить собственные предвыборные обещания, касающиеся переноса базы, с позицией США, не заинтересованных в подобном развитии событий, привела к отставке премьер министра Ю.Хатояма в 2010 году.

По сравнению с недолговечными кабинетами премьер-министров с 2006 по 2012 гг., Синдзо Абэ остается на посту уже третий год, что ставит его на второе место по продолжительности полномочий с 1989 года после Дзюнъитиро Коидзуми. Кандидатура Абэ, считающего, что Япония должна играть более активную роль в японо-американском союзе, полностью отвечает интересам США, заинтересованным в даль-

* Водопьянов Константин Геннадиевич, аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

нейшей интеграции Токио в собственные военно-политические программы, а также в устранении препятствующих им соответствующих японских законодательных ограничений.

Политика Абэ, направленная на преодоление послевоенных последствий для Японии в сфере оборонной политики и политики безопасности, органично вписывается в общий контекст мировой политики последних нескольких лет. На смену распространению последствий глобализации в 1990-х и широкому антитеррористическому движению 2000-х пришел внешнеполитический реализм 2010-х годов.[2]

Таким образом, политика Японии – в части ее нового доктринального оформления («политика проактивного пацифизма») – хоть и размывает законодательно закрепленную норму, которая провозглашает отказ Токио от войны (расширение оборонных статей бюджета за счет сокращения помощи зарубежным странам, реорганизация совета национальной безопасности, смягчение ограничений на экспорт военной продукции и т.д.), вполне отвечает современным глобальным трендам.

На это накладываются и внутриполитические проблемы в самой Японии – старение японского общества, что неизбежно выводит на первый план обсуждения социальные вопросы, смена поколений, при которой в политике и бизнесе первые роли начинают играть люди, не получившие «антивоенную прививку», маятник настроений самого общества: после относительно умеренного курса, который проводила ДПЯ, бывшая правящей в 2009-2012 годах, к власти приходят все более проамериканские премьер-министры, начиная с Наото Кана и заканчивая ныне сохраняющим свой пост Синдзо Абэ.

Возвращение во власть Либерально-демократической партии в декабре 2012 года ознаменовало собой новый период политической стабильности в новейшей истории Японии. Вместе с тем необходимо отметить, что приход «сильного» премьер-министра, каким Абэ показал себя в ходе своего второго срока, открыл дорогу дискуссиям о необходимости военно-политических и социально-экономических преобразований в жизни страны, а также привел ко вполне конкретным результатам, большая часть из которых пришлась на 2014-2015 годы.

Внутриполитические причины беспрецедентной устойчивости Абэ складываются из нескольких факторов. Во-первых, премьер-

министр показал себя активным и компетентным политиком, твердо отстаивающим интересы Японии на международной арене, – и готовым прилагать для этого серьезные дипломатические усилия (достаточно упомянуть сверхактивный график зарубежных визитов Абэ, включая его поездки в 2015 году на Ближний Восток, в США и на Украину).

Во-вторых, нельзя не отметить грамотную кадровую политику Абэ, который собирает вокруг себя лучшие кадры. Абэ работает на консолидацию ЛДП и даже самые спорные инициативы, в отличие, например, от действий Дз. Коидзуми, не продвигаются им единолично.

Кроме того, Абэ показал, что ему есть, что предложить японскому обществу: озвученные им меры касались широкого спектра вопросов политики, экономики и национальной безопасности. Абэ инициировал создание по американскому образцу Совета национальной безопасности, который был призван упорядочить и скоординировать политику безопасности Японии.[3]

Наконец, свою роль играет и постоянная коммуникация Абэ с гражданским обществом, учитывание общественного мнения и пристальное внимание к собственному политическому имиджу. Абэ сумел заручиться поддержкой государственной бюрократии, то есть сделал то, на чем, в числе прочего, провалилась Демократическая партия Японии в 2009-2012 гг.

Значительную роль в укреплении позиций Абэ сыграла и победа ЛДП на выборах в Палату советников в июле 2013 года; это позволило избежать проблем «перекрученного парламента». Оппозиция в парламенте сейчас разобщена и не может представлять сколько-нибудь серьезной угрозы для правящей коалиции. Против оппозиции играет и ее собственная политическая программа: так, ДПЯ высказывается «за» инициативу Абэ в области коллективной самообороны. В этом контексте объяснение избирателям, почему они должны проголосовать не за зарекомендовавшую себя политическую силу, а за их оппонентов, придерживающихся сходной программы, представляется трудноразрешимой задачей.

По итогам досрочных парламентских выборов 2014 года правящая коалиция, объединяющая ЛДП и Комэйто, получила карт-бланш от избирателей на проведение дальнейшей политики под руководством Абэ.

Учитывая внутриполитическую ситуацию в стране и умелую игру Абэ на нацио-

налистической риторике, можно с большой долей уверенности предположить, что нынешняя конфигурация кабинета министров сохранится до следующих всеобщих парламентских выборов в 2016 году.

Основные усилия кабинета Абэ сосредоточены на достижении экономических успехов в рамках «абэномики». В ходе реализации комплекса мер, направленных на вкладывание массивов государственных инвестиций в инфраструктуру и активное наращивание денежной массы, Абэ проявил себя как прагматичный и жесткий, но в то же время готовый к компромиссам политик. Достаточно сказать, что в ходе переговоров по проекту Транстихоокеанского партнерства Япония Абэ занимала принципиальную, ориентированную на защиту собственного рынка, позицию. Однако если заявленные реформы в рамках «абэномики» не принесут тех результатов, которые обещал Абэ, возможны серьезные политические последствия для нынешнего кабинета министров.

Политическая стратегия Абэ включает в себя формирование образа сильного и решительного политика с явным националистическим уклоном, что дает основания сравнивать его с Дз.Коидзуми, который во много действовал теми же методами.[4. С.40] В этом контексте неоднозначные и откровенно спорные заявления политика, включая его отказ приносить извинения за развязывание Второй мировой войны, имеют явно политическое измерение.

Однако подобная полупопулистская тактика имеет свои «подводные камни», как во внутриполитическом, так и в региональном контексте. Преодоление последствий заключения соглашения по ТПП требует непростых решений, чреватых быстрой потерей электорального рейтинга. А в ситуации, когда большинство стран Восточной Азии продвигают националистическую политику, игра на повышение ставок может быть опасна, тем более в регионе с неурегулированными территориальными спорами и наличием «серых» зон безопасности.

Несмотря на то, что Абэ по-прежнему сохраняет высокий персональный рейтинг, некоторые его основополагающие инициативы, в частности, на политическом треке, встречают куда менее горячую поддержку избирателей. Так, согласно опросу газеты «Асахи Симбун», проведенному в апреле 2014 года, только 27% населения страны поддерживает новую трактовку конституционных положений, позволяющую вос-

пользоваться правом на коллективную самооборону.

Дискуссии о модификации законодательства Японии в части оборонной политики и политики безопасности приобрели новое звучание с момента окончания холодной войны, однако только с приходом Абэ в 2012 году эти дискуссии перешли в стадию подготовки общественного мнения к планировавшимся изменениям, законодательной проработки различных вариантов, позволяющих не отталкивать тех, кто считал подобные трансформации ошибочными, и, соответственно, к практической реализации.

Несмотря на то, что Силы самообороны Японии начали применяться за рубежом еще с 1991 года и де-факто конституция страны трактуется «расширительно» уже давно, необходимость в новом толковании конституции возникла только сейчас. Это имеет ряд, в первую очередь, внутриполитических объяснений, включая трансформацию восприятия элитой места и роли Японии в современном мире, а также связано с меняющимся международно-политическим контекстом, отходом от устоявшихся правил, норм и принципов международных отношений, определявших мировую среду после окончания холодной войны.

Демократическая партия Японии, бывшая у власти около трех лет, оставила в наследство целый комплекс экономических, политических и социальных проблем, что позволило Абэ провозгласить свой кабинет «правительством кризисного управления». [5. С.28] Таким образом, обладая высоким авторитетом и популярной программой, новый премьер-министр смог получить карт-бланш на проведение самостоятельного курса в области обеспечения национальной безопасности, активно поддерживаемого США.

Так, будучи сторонником курса на формирование «полноценных» вооруженных сил, Абэ увеличил расходы бюджета на национальную оборону за счет сокращения помощи зарубежным странам. Соответственно, в 2013 году ассигнования Японии на оборону выросли впервые за последние 11 лет,[6] а годом позже Абэ добился рекордного за последние 18 лет повышения военных расходов.

Внешняя политика – одно из приоритетных направлений работы Абэ.[7] Еще до вступления в должность пресса в США, Европе и Китае окрестила его националистом и ультраконсерватором. Первый год на посту

премьер-министра оказался, однако, достаточно спокойным до тех пор, пока в декабре 2013 года, в нарушение сформулированного им в его первый срок принципа, Абэ не посетил храм Ясукуни, что вызвало негативную реакцию США и дало старт дискуссиям об обременительном характере американских обязательств перед союзниками и их стратегической безответственности.[8]

Когда в октябре 2013 года госсекретарь США Дж.Керри и министр обороны Ч.Хейгел прибыли в Японию в рамках переговоров в формате «2+2» на заседание Консультативного комитета безопасности, то впервые для американских чиновников такого высокого ранга посетили находящееся неподалеку от Ясукуни и императорского дворца кладбище и мемориал Тидори-гафути, где похоронены жертвы Второй мировой войны, включая погибших от бомбардировок Хиросима и Нагасаки. Это был четкий сигнал С.Абэ не посещать Ясукуни и не становиться источником напряженности и нестабильности в регионе, раздражая Китай и Южную Корею, который, однако, не был считан.

Кроме того, на внешнеполитическом курсе Абэ тяжело сказалась попытка пересмотреть «заявление Коно», сделанное в 1993 году тогдашним генеральным секретарем кабинета министров, в котором была признана вина Японии за использование во время японо-китайской войны 1937-1945гг. «женщин комфорта». США призвали Японию отказаться от пересмотра вышеупомянутого заявления, заметив, что извинения Коно «знаменуют важную главу в истории Японии, улучшающую ее отношения с соседями».[9]

Необходимо отметить, что именно этот эпизод стал одной из причин отставки Абэ с поста премьер-министра в 2007 году: после его заявления о том, что организованный характер массового вовлечения женщин в северо-восточном Китае в проституцию не доказан, вмешиваться в ситуацию пришлось американскому послу. После этого резолюцию, призывающую Японию принять на себя историческую ответственность за содержание т.н. станций утешения, приняла Палата представителей США, Палата общин Канады и Европарламент.

Кроме того, Абэ «вернул» Японию в число стран, активно использующих проблемы территориальных споров в отношениях с соседями, причем Япония стала играть заметную роль в вопросах о принадлежности не только Сэнкаку и Такэсима, но и Парасельских островов и архипелага Спратли.

В условиях активного расширения КНР своего присутствия в Южно-Китайском море, утверждении на самом высоком уровне свободы судоходства в регионе в качестве национального интереса США,[10] Япония открыто заявляет о намерении играть более активную роль в обеспечении безопасности в ЮВА в рамках политики «проактивного пацифизма». Можно сказать, что Япония Абэ внимательно следит за ситуацией в Южно-Китайском море, потому что так или иначе «примеряет» модель поведения Китая вокруг архипелага Спратли и Парасельских островов на территориальный спор вокруг Сэнкаку.[11]

Вследствие особенностей послевоенной истории Япония в значительной степени использует во внешнеполитической стратегии экономический, нежели политико-правовой инструментарий. Отчасти поэтому экономические вопросы традиционно занимают ведущее место в повестке политических лидеров и их партий, а сам Токио с особенным вниманием относится к попыткам изменить экономический статус-кво в регионе, например, получить возможность препятствовать свободе судоходства и ограничить импорт необходимых товаров. Вместе с тем необходимо отметить, что подобные опасения присущи большинству региональных держав – не только Японии, но и Китаю [12] и Индии.[13]

Таким образом, в условиях трансформации постбиполярной системы международных отношений, внутривнутриполитических проблем в Японии, а также увеличения националистической компоненты массовой политики в Северо-Восточной Азии Синдзо Абэ проводит собственный внешнеполитический курс, целью которого, по всей видимости, является «возвращение» Японии в круг ведущих держав региона, укрепление ее экономических и военно-политических возможностей.

Литература:

1. Pyle K.B. The Sea Change in Japanese Foreign Policy // The NBR Analysis Brief. 2014. 17 June // <http://www.nbr.org>.

2. Mead W.R. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs, May/June 2014 // <https://www.foreignaffairs.com>.
3. Закон о создании Совета национальной безопасности // <http://law.e-gov.go.jp>.
4. Governing Insecurity in Japan: The Domestic Discourse and Policy Response Ed. Vosse W., Driete R., Blechinger-Talcott V. London: Routledge, 2014.
5. Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5.
6. Defense of Japan 2013 (Annual White Paper. Foreword). // <http://www.mod.go.jp>.
7. Christopher W. Hughes Japan's Foreign and Security Policy Under the 'Abe Doctrine': New Dynamism or New Dead End. – London: Palgrave Macmillan, 2015.
8. Posen B. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
9. Jen Psaki. Daily Press Briefing. June 20, 2014 // <http://www.state.gov>.
10. [Minamishinkai mondai ni okeru Nihon no yakuwari to kadai=Роль и задачи Японии в ситуации в Южно-Китайском море] // <https://www2.jiia.or.jp>.
11. Situation of the Senkaku Islands // <http://www.mofa.go.jp>.
12. Ван И: Китаю крайне важна свобода судоходства // <http://russian.news.cn>.
13. Неприсоединение 2.0: внешняя и стратегическая политика Индии в XXI веке // <http://www.cprindia.org>.

FACTORS OF STABILITY OF SHINZŌ ABE'S CABINET AND TRANSITION OF JAPANESE FOREIGN POLICY

The article analyses peculiarities of Japanese domestic policy under the leadership of Prime Minister Shinzō Abe, including legislative amendments to defense and security policies. The author provides a survey of domestic policy reasons for such a transformation and explores the foreign policy of Japan in the

context of change in the world politics and the rise of conflict potential in North East Asia.

Konstantin Vodopyanov,
Postgraduate Researcher, Department of
Oriental Studies, MGIMO (University) under the
Ministry for Foreign Affairs of Russia.

Ключевые слова:

внутренняя политика Японии, Синдзо Абэ, Либерально-демократическая партия Японии, «абэномика», политика «проактивного пацифизма», Девятая статья конституции Японии, Силы самообороны, территориальные споры.

Keywords:

domestic policy of Japan, Shinzō Abe, the Liberal Democratic Party of Japan, «Abenomics», «proactive pacificism» policy, Article 9 of the Japanese Constitution, the Japan Self-Defense Forces, territorial disputes.

References:

1. Pyle K.B. The Sea Change in Japanese Foreign Policy // The NBR Analysis Brief. 2014. 17 June // <http://www.nbr.org>.
2. Mead W.R. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. // Foreign Affairs, 2014, May/June // <https://www.foreignaffairs.com>.
3. The National Security Council Establishment Act // <http://law.e-gov.go.jp>.
4. Governing Insecurity in Japan: The Domestic Discourse and Policy Response Ed. Vosse W., Driete R., Blechinger-Talcott V. London: Routledge, 2014.
5. Strel'tsov D.V. Kachestvennyye sdvigi politiki Iaponii v sfere voennoi bezopasnosti v 2013 g. [Qualitative Shift of Japanese Policy in Military Security in 2013] // Vestnik MGIMO-Universiteta [The Journal of MGIMO-University]. - 2013. № 5.
6. Defense of Japan 2013 (Annual White Paper. Foreword) // <http://www.mod.go.jp>.
7. Christopher W. Hughes Japan's Foreign and Security Policy Under the 'Abe Doctrine': New Dynamism or New Dead End. – London: Palgrave Macmillan, 2015.
8. Posen B. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
9. Jen Psaki. Daily Press Briefing. June 20, 2014 // <http://www.state.gov>.

10. [Minamishinakai mondai ni okeru Nihon no yakuwari to kadai=Japan's Role and Challenges in the South China Sea Dispute] // <https://www2.jia.or.jp>.
11. Situation of the Senkaku Islands // <http://www.mofa.go.jp>.
12. Wang Yi: Freedom of Navigation Is an Imperative for China // <http://russian.news.cn>.
13. Non Alignment 2.0: A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century // <http://www.cprindia.org>.